

Марина Витухновская

Финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии (1905–1917)

Российская Карелия с древнейших времен входила в состав русского государства, сначала эта территория была частью Киевской Руси, потом Новгородской республики, затем России. Вторая часть карельского этноса существовала по другую сторону границы со Швецией и сыграла важнейшую роль в процессе формирования финской нации, который стремительно развернулся в XIX в. Этот процесс был тесно связан с поиском национальной идентичности и культурно-исторических корней, что, в свою очередь, вывело на авансцену общественного внимания «карельский вопрос».

Профессор Ханнес Сихво, обстоятельно проанализировавший роль Карелии в формировании финского национального мифа¹, отмечает, в частности, что растущий в среде финских ученых с начала XIX в. интерес к карелам и их территории был частью общего стремления финнов узнать больше о своей истории и культурных корнях. Именно в это время произошло «открытие» древней Карелии и ее идеологическая маркировка как «Золотого века» финской истории. Главную роль в этом сыграло, конечно, обнаружение карельско-финских эпических рун, которые позже Элиас Лённрот переработал в знаменитую «Калевалу», вышедшую отдельным изданием впервые в 1835 г. Знаменательно, что полное название первого издания «Калевалы» было «Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа». Название отнюдь не случайно — основная часть рун «Калевалы» была собрана на территории Российской Карелии, и их напели Лённроту карельские сказители. Карелы были хранителями эпоса, роль которого в становлении финского национального мифа оказалась цементирующей. Так, именно карельский по происхождению эпос дал основу для создания мифической истории финнов и карел, и именно мифическая страна обитания героев эпоса — Калевала — была трактована как общая прародина обоих народов.

¹ *Sihvo H. Karelia: a source of Finnish national history // National history and identity — Approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries. Studia fennica ethnologia 6. Toim. Branch Michael. Helsinki, 1999.*

В среде финских интеллектуалов бытовало убеждение, что карелы являются одним из двух племён, образующих финский народ, и что «воображаемое Отечество» у карел и финнов общее. Поэтому финские национальные деятели традиционно относились к российским карелам как к будущей составной части финской нации. Сформировался интерес финских национальных романтиков к культуре Карелии, которая казалась им неким идеальным хранилищем финской древней традиции, краем, где надлежит искать свою национальную идентичность и культурные корни. К концу XIX в. оформилось явление, получившее в литературе название «карелианизм». Ханнес Сихво определяет это явление таким образом: «Карелианизм — идеология, основанная на предположении о едином языке и культуре, которая появилась в середине XIX века как стремление финского национального движения преобразовать культурную идентичность в политическую. Она была сконструирована учёными-лингвистами и этнографами, поэтами и писателями»¹.

Сихво отмечает в карелианизме две составляющих — культурную и политическую. В течение двух десятилетий карелианизм развился в полноценное политическое течение, «подкрепленное чувством моральной обязанности помочь угнетенному родственному народу» и развить в нем национальное самосознание². Именно карелианизм стал важнейшей основой для формирования идеи Великой Финляндии, в которой, как и во всяком гипернациональном проекте, существенное место занимало представление о необходимости объединения родственных народов под эгидой «старшего» — в данном случае финского³. Одним из таких народов, по мнению финских идеологов, были их этнические «братья» — карелы, которых особенно сближали с финнами общие национально-исторические корни, языковое и культурное родство, а главное — острое ощущение финнами Российской Карелии как «ирреденты» (*irredenta*), оторванного куска Великой Финляндии.

Во второй половине XIX в. обычным явлением стали поездки финских активистов в Российскую Карелию. Они преследовали как научные и культурные цели, так и задачу по сближению с «братским народом», приближению ирреденты к метрополии. От чисто теоретических построений сторонники идеи были готовы перейти к повсе-

¹ *Sihvo H.* Op. cit. S. 195.

² *Ibid.* S. 196.

³ О формировании идеи «Великой Финляндии» см.: *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyhtykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 21–67.

дневной конкретной работе по воплощению своих идеалов в действительность. Финские активисты, такие, например, как писатель из Оулу Аугуст Вильгельм Эрvasti, обнаружили, что русское влияние в Карелии усиливается и может стать угрозой для воплощения мечты о единении братских народов¹. Сторонники идеи Великой Финляндии пришли к выводу, что для ее реализации требуется серьезная повседневная работа с целью привлечения российских карел на свою сторону. Так зародилось то движение, которое позднее в российской прессе получило название «панфиннизм».

До первой русской революции открыто вести «панфинскую пропаганду» в Карелии было сложно, однако попытки финского культурного десанта осуществлялись. Как правило, свои усилия объединяли финские энтузиасты и представители нарождавшегося карельского национального движения, которое начало формироваться в конце XIX в. Ядро националистического движения составляли карельские торговцы-коробейники, являвшиеся живой связкой между карельскими регионами и Финляндией, впитавшие в себя как традиции карельской крестьянской культуры, так и культурные основы финского социума. Путешествуя из одного финского населенного пункта в другой, коробейники наблюдали за модернизирующейся Финляндией, сопоставляли уровень жизни финских и карельских крестьян, — и чаще всего эти сравнения были не в пользу их родных мест. Обнаруживая резкий контраст между экономическим развитием, уровнем жизни и общественным устройством Финляндии и своей родины, коробейники одновременно входили в самый непосредственный контакт с финскими национальными активистами, вливались в их ряды, усваивали идеи «Великой Финляндии» и становились их пропагандистами в Российской Карелии.

В 1880-х гг. из массы коробейников стали выделяться карельские купцы, происходившие, как правило, из деревень Беломорской Карелии, начинавшие как коробейники, но позже правдами и неправдами (часто путем женитьбы на финках) перебивавшиеся на постоянное жительство в Финляндию, где они обычно продолжали торговую деятельность. Эти люди не прекращали своей связи с родными местами, где, как правило, у них оставалось много родни и близких. Их живо волновала судьба родины, положение которой выглядело особенно несчастливым в сравнении с процветающей Финляндией. Вместе с тем эти люди ощущали себя частью финского социума, овладевали

¹ Результатом поездки Эрvasti в Российскую Карелию стала его работа «Воспоминания о поездке в Беломорскую Карелию летом 1879 года»: *Ervasti A. W. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880.*

финскими культурными традициями и, таким образом, оказывались людьми с как бы двусторонней, финско-карельской ментальностью. Именно эти карельские купцы, жившие в Финляндии, и стали основной пружиной, мотором зарождавшейся национальной деятельности российских карел¹.

Показательна в этом смысле непосредственная связь между идеологами «панфинской идеи» и карельскими национальными деятелями. Примером может послужить непосредственное участие уже упомянутого финского активиста Аугуста Вильгельма Эрvasti в формировании личности «отца» карельского национального движения, ухтинского крестьянина, впоследствии — коробейника и купца Павла Афанасьева (Пааво Ахава). В 1885 г. тринадцатилетний Афанасьев в родном селе Ухта (Uhtua; с 1962 г. — Калевала) встретился с двумя купцами, рассказывавшими о Финляндии и давшими мальчику для прочтения книгу Эрvasti «Воспоминания о поездке в Русскую Карелию». По воспоминаниям самого Ахавы, он в это время уже начинал осознавать родство финнов и беломорских карел, однако книга Эрvasti дала важный толчок его идейному формированию как национального деятеля, вселила страх перед русификацией Карелии. С этих пор началась совместная работа Эрvasti и Ахавы², их поездки по карельским районам, доставка в Беломорскую Карелию финских книг³. Очевидно, именно их усилиями в 1889 г. в селе Ухта была основана на средства отдельных карел (скорее всего, коробейников) финская библиотека⁴. Библиотека, правда, смогла продержаться всего одно лето — уже осенью местные власти признали ее «опасной» и закрыли.

Финские активисты и карельские национальные деятели в конце XIX в. организовали еще несколько предприятий, направленных на финско-карельское культурное сближение. В деревнях Беломорской Карелии открывались школы, в которых детей обучали финской азбуке и письму. Предпосылкой для их создания являлась прежде всего потребность самих карел знать финскую грамоту — особенно в приграничных с Финляндией местностях. Из других известных нам

¹ История и содержание этого движения изложены в исследовании: *Ranta R. Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906—1922.* Tampere, 1997.

² Один из сподвижников Эрvasti, Хьяльмар Базильер вспоминал, как однажды тот прислал к нему в Петербург Афанасьева с такой запиской: «Позаботься о мальчике. Сделаем-ка из него ухтинского писаря!» (*Basilier Hj., Sananen A. W. Ervastista ja hänen matkoistaan // A. W. Ervasti. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879 / Toim. P. Laaksonen.* Helsinki, 2005. S. 12).

³ См. об этом: *Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917—1922.* Jyväskylä, 1980. S. 27.

⁴ См. об этом: *Karjalan kirja / Toim. I. Härkönen.* Porvoo; Helsinki, 1932. S. 698.

совместных финско-карельских мероприятий можно назвать создание в 1898 г. частного почтового сообщения между карельским Вокнаволоком и финским Суомуссалми¹.

История зарождения карельского национализма типична для истории национализмов так называемых «молодых наций»². Знакомясь с тем, как шло оформление белорусского, украинского, литовского и других национальных движений, мы каждый раз обнаруживаем, что питательной средой для них являлись национальные центры и деятели соседних «старых наций», противостоявших русскому имперскому центру. Так, белорусские национальные деятели были тесно связаны с Польшей и зачастую являлись выходцами из польской шляхты; «воображаемым Отечеством» для них было Польско-Литовское государство. Первые газеты на белорусском языке выпускались в Вильно³. История складывания белорусского национализма вообще, на наш взгляд, наиболее близка аналогичным карельским сюжетам — как по замедленным темпам развития и незначительной интенсивности, так и по отношению к ним имперской власти, склонной до поры до времени целиком игнорировать соответствующие «вопросы». Петербург, как отмечает Теодор Викс (Theodore R. Weeks), «не уделял белорусам особенного внимания, поскольку почти всегда белорусский вопрос заслоняли более жгучий еврейский и польский вопросы»⁴. Так же и «карельский вопрос» постоянно находился в тени финского.

Деятельность финских и собственных карельских агитаторов в Российской Карелии не имела бы успеха, если бы не попала на готовую экономическую почву. Контраст между быстро развивавшейся, благополучной Финляндией и экономически пробуксовывавшей Российской Карелией стал одним из важнейших обстоятельств, катализировавших национальные процессы в регионе. Более развитая, быстро модернизирующая свое хозяйство Финляндия стала играть все более важную роль в жизни прилегающих к ней областей Российской Карелии, влияя главным образом на ситуацию в западной, приграничной части региона. Именно здесь, в Кемском уезде Архангельской губернии и

¹ Karjalan kirja. S. 698.

² Об этом термине и описываемых процессах см., например: *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 166—170.

³ Из неопубликованного доклада А. Д. Гронского «Белорусский национализм начала XX в.: попытка анализа явления», на Международной научной конференции в Казани «Имперские национальные модели управления: российский и европейский опыт», 12—13 мая 2006 г.

⁴ *Викс Т. Р.* «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863—1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология* / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 590.

прилегающих к границе волостях Олонецкой Карелии, «силовое поле» Финляндии отразилось на эволюции карельского национализма и развитии национальных взаимоотношений¹.

Роль Финляндии в экономике приграничных районов Российской Карелии была огромна. Западная соседка стала для прилегающих к ней карельских областей источником дохода, объектом постоянного пристального наблюдения и образцом для подражания. Недаром в многочисленных публикациях местных изданий, в земских пособиях рефреном проходит мысль о необходимости ориентироваться на Финляндию, учиться у нее. Именно из-за западной границы ввозились в карельские районы усовершенствованные орудия труда, сепараторы, скот улучшенной породы, предметы обихода. Торговые связи карел с Финляндией стали важным фактором, усугублявшим их зависимость от соседнего княжества. Жителям приграничных районов было намного выгоднее и дешевле приобретать продукты и товары первой необходимости в соседних финских селах, куда они доставлялись по железной дороге, чем переправлять за многие десятки верст те же самые покупки из далеких российских селений. Протянувшаяся к имперской границе финская железнодорожная сеть становилась еще одним важным проводником финского экономического и культурного влияния на Российскую Карелию².

Важное значение железной дороги для воздействия на российских карел ясно осознавалось финскими национальными деятелями. Газета «Raja-Karjala» («Пограничная Карелия») в 1907 г. писала: «Железные дороги везут не только товары и сельскохозяйственные продукты, но и понятия и взгляды. Железная дорога принесет в пограничную Карелию с запада идеи о национальной общности, свяжет ее железными путями с остальной Финляндией, включит ее в теплые объятия родины — Финляндии. Из приходов Пограничной Карелии это чувство панфиннизма распространится и на наших соплеменников по ту сторону границы — олончан, которые хотя и того же финского

¹ Российская Карелия не была однородным регионом ни в экономическом, ни в культурно-языковом отношении. Если кондопожские карелы были в большой степени экономически ориентированы на Петрозаводск, восточная и южная части Олонецкой Карелии — на Петербург, то приграничные районы Олонецкой и Архангельской губерний были теснейшим образом связаны с Финляндией. Именно эти регионы стали колыбелью карельского национализма.

² Об усилившейся экономической зависимости приграничных карельских районов от Финляндии см., в частности, статью настоящего сборника «Финляндия и Российская Карелия накануне революции: две социально-экономические модели развития» или гл. 2 монографии М. Витухновской «Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917» (СПб., 2006).

племени, что и мы, однако сами не сознают еще этого»¹. Расширение железнодорожной сети в приграничье, задуманное и последовательно осуществлявшееся в Финляндии, должно было наращивать финское присутствие в регионе. Сейм Финляндии рассматривал несколько подобных проектов — о проведении железнодорожной линии от Сортавалы на Койриноя и Суоярви, а также линий от Улеаборга (Оулу) до Суомуссалми и от Нурмеса до Кухмо². В случае создания этих железнодорожных веток было бы еще легче протянуть железную дорогу из Суоярви до Петрозаводска через карельские регионы Олонецкой губернии или из Кухмо через Ухту к побережью Белого моря.

Важнейшую роль в приобщении карел к финской экономике играла лесная промышленность, ибо Финляндия стала к началу XX в. одним из главных экспортеров олонецкого леса. Особенно активно проникали финские лесопромышленники в карельские волости, расположенные вдоль западной границы. Здесь возникла некая модель возможной экономической кооперации российского северо-запада и Финляндии. Одним из наиболее ярких примеров была Ребольская волость, хозяйство которой было ориентировано на приграничные финляндские районы и «подстегнуто» близостью финляндской ветки железной дороги³. Между Реболами и Финляндией и прежде существовал активный товарообмен, но особенно сблизились оба региона на основе лесного промысла. В Реболах с 1890-х гг. лесозаготовки вела известная финская фирма «Гутцайт и К°». Лес сплавлялся через систему рек и озер в Финляндию. Лесной промысел давал стабильную и хорошо оплачиваемую работу местным крестьянам, причем рабочих рук не хватало, и в Реболы тянулись даже лесные рабочие из Финляндии. Местный житель писал: «Леса <...> продается ежегодно так много, что далеко не хватает местных рабочих рук, и из Финляндии являются и наводняют волость сотни финнов — возчиков, рубщиков и сплавщиков»⁴.

Реболы стали как бы опытным полигоном, неким подобием «экономической зоны», на примере которой карелам было наглядно показано, насколько полезной была бы хозяйственная кооперация с Финляндией, а то и слияние с ней. Тесное взаимодействие с финским бытом, влияние финской культуры, осознание высокого уровня

¹ Raja-Karjala. 1907. N 5. Цит. по: Шекснин. Финляндские железные дороги по границе с Имперскою Карелиею // Финляндская газета. 1912. № 64. С. 3.

² Там же.

³ Истории Ребол целиком посвящено издание: Aunuksen Repola / Toim. Tarma Heikki. Joensuu, 2001.

⁴ Ibid. S. 10–12.

экономического развития Финляндии — всё это приводило к тому, что местные карелы все более ощущали себя «этническими братьями» финнов и стремились к сближению с ними. Идея «Великой Финляндии», подкрепленная естественным стремлением примкнуть к более богатому и сильному соседу, подспудно и неосознанно проникала в сознание карел. Весь уклад жизни ребольцев становился постепенно финским. В волости ходила финская монета, многие крестьяне владели финской грамотой, притом что мало кто умел читать по-русски, по финским образцам осуществлялась мелиорация земель и создавались хуторские хозяйства, даже одевались ребольцы на финский лад и по внешнему виду мало отличались «от соседа финна»¹. Не случайно после революции, в 1918 г., именно жители Ребольской волости приняли решение присоединиться к Финляндии на условиях самоуправления, и их примеру позже (в 1919 г.) последовала сходная по экономическому положению Поросозерская волость².

В 1908 г. олонецкий губернатор Н. В. Протасьев совершил поездку через карельские волости Повенецкого уезда с юго-востока на северо-запад, и на всем протяжении пути отмечал постепенное усиление финского экономического и культурного влияния на карел. Вот фрагменты из его рапорта: «За 110 верст от гор. Повенца в селе Паданах впервые встречаются финляндские товары, ввозимые контрабандой, но как внешний облик карел, так и характер построек, домашней утвари, упряжи, предметов обихода — всё русского типа <...> Постепенно изменяя русский тип, финская культура уже совершенно ясно выдвигается в характере построек, во внутреннем обиходе домашней жизни, в платье женщин, в упряжи и т. д., в селе Ругозере, отстоящем еще на 115 верст на северо-запад от села Падан, и затем уже достигает полного своего развития в селе Реболах и к югу вдоль всей финляндской границы...»³.

Российское чиновничество прекрасно отдавало себе отчет в том, что финское экономическое притяжение в сочетании с бедственным положением российских карел являлись важнейшими стимулами для роста карельского национализма, связанного с «панфинской» идеей. Архангельский губернатор И. В. Сосновский одним из первых обратил внимание на тесную связь плачевного положения карел Кемского

¹ Жуков Ю. А., Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 10–14.

² О выделении Ребол: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki, 1965. S. 143–145.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 7.

уезда с тем всплеском национального движения, которое было зафиксировано здесь впервые в ходе революции 1905–1907 гг. В своем всеподданнейшем отчете за 1908 г., явившемся результатом его инспекторской поездки по Беломорской Карелии, он писал, что вынес из личных наблюдений «закключение, что существующее тяготение карелов к Финляндии объясняется исключительно причинами экономического, а не политического характера...»¹.

Олонецкий губернатор Протасьев, обосновывая необходимость проведения железной дороги от российских центров в карельские районы, высказывался еще более определенно: «Этот искони русский край (Повенецкий уезд. — М. В.) несомненно тяготеет к Финляндии — с нами существует только искусственная связь. Тамошняя культура находится в 40 верстах, а наша на расстоянии 400 верст»². Ту же мысль более лаконично выражали сами крестьяне, говорившие так: «Без Финляндии жить не можем», «Кабы не Финляндия — с голоду бы пропали»³.

Как тяготение части карел к Финляндии, так и стремление финских активистов к культурной и идейной экспансии в Российскую Карелию сформировались к концу XIX в., однако импульсом к практической национальной деятельности стал подписанный 17 октября 1905 г. Николаем II манифест о введении в стране свободы совести, слова, собраний и союзов. Финские активисты и карельские националисты незамедлительно воспользовались представившимися возможностями.

Уже в декабре 1905 — январе 1906 г. в Ухте, Кестеньге, Вокнаволоке и многих других деревнях Беломорской Карелии прошли собрания и съезды. Душой и ядром нарождавшегося движения были карельские купцы, проживавшие в Финляндии. Так, председателем съезда был Иван (Ииво) Митрофанов (впоследствии — Каукониemi), уроженец Ухты, постоянно живший в финском городе Рованиemi, а секретарем — ухтинский купец Василий Еремеев (впоследствии — Ряйхя). Симптоматично, что в состав избранного в Ухте комитета вошли многие из проживавших в Финляндии карельских купцов — такие, например, активисты движения, как Павел Афанасьев, К. Ремшуев, Иван Митрофанов, Максим Софронов (Тимонен), Иван Дорофеев (Ииво Аланко) и другие. Как видим, и здесь выходцы из Финляндии играли ведущую роль⁴.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 194, 1909, д. 82, л. 27.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 24.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 1. С. 17.

⁴ Об этих событиях см.: Ranta R. Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. S. 22–29.

Образование первого в истории Карелии национального союза также осуществилось в Финляндии. 3–4 августа 1906 г. в Таммерфорсе (Тампере) на съезде, где присутствовало около ста участников, был создан Союз беломорских карел. Съезд проходил в очень торжественной обстановке, настроение у всех присутствовавших было взволнованным. Звучали песни и стихи о Карелии. Участники съезда благословили финские национальные активисты — доктор Рейо Ваара, магистр Илмари Кианто, профессор Й. Миккола, доктор Ханнес Гебхарт. Одним из организаторов съезда был доктор О. А. Хайнари, который произнес речь в духе идей «Великой Финляндии». Он отметил, что финский народ исторически оказался разделенным и подчиненным двум различным властям, но теперь карелы, долго пребывавшие в апатии, оживились и принялись «мостить мост для соединения себя с нами». Финские активисты, продолжал Хайнари, двинутся им навстречу и будут считать своей великой заслугой перед отечеством, если им удастся присоединить к себе 160–200 тысяч карел¹. Для решения этой задачи, для помощи российским карелам было решено основать Союз беломорских карел, в который сразу записалось 50 членов. Как всегда в карельских национальных мероприятиях, первые роли играли проживавшие в Финляндии карельские купцы и их родственники².

Состав Союза беломорских карел весьма красноречиво говорит о преобладающем в нем финском компоненте. В первый год в Союз вступило 627 членов, из них 494 человека постоянно проживали в Финляндии и только 133 — в Российской Карелии. Большинство членов Союза были купцами (120 человек, или 19,1 %); довольно значительный процент составляла интеллигенция — как карельская, так и финская (97 человек с академическим образованием; писателей, журналистов, композиторов — 43 человека; учителей — 41). Финских членов в Союзе было почти в четыре раза больше, чем карельских жителей (соответственно 78,8 и 21,2 %). Совсем незначительным было

¹ Финны и карелы // Финляндская газета. 1906. 2 сентября. С. 2.

² Как это часто бывает в зарождающихся национальных движениях, карельских активистов нередко объединяли родственные отношения. Например, Евдокия Дорофеева была сестрой Ивана Софронова, а ее дочь Анна Дорофеева стала женой Ивана Митрофанова (впоследствии — Ииво Каукониemi). Брат Анны Дорофеевой Иван Дорофеев (впоследствии — Ииво Аланко), также активист движения, был женат на тетке Ивана Митрофанова. В движении участвовал брат Ивана Дорофеева Сакари. У Ивана Софронова было помимо сестры несколько братьев — Николай, Владимир, Симон и Максим. В национальном движении, а впоследствии и в Союзе беломорских карел участвовало одиннадцать представителей семьи Афанасьевых (Ахава), десять Сергеевых и семеро Ремшуевых. Этот список можно было бы продолжить (составлено по: *Ranta R. Vienten karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997. S. 27, 34, 45).*

число крестьян — 16 человек, или 2,5 %¹. Как видим, состав Союза свидетельствует о его элитарном характере — самый широкий слой населения Карелии, крестьянство, почти не был в него вовлечен. Впрочем, эта особенность, как утверждает Мирослав Хрох, свойственна всем национальным движениям на первых двух этапах их развития: как созданием национальной идеи, так и ее первоначальным распространением занимается всегда небольшая группа образованных людей². В данном случае во главе движения стояли представители не только карельского, но и финского образованного класса.

Вполне естественно, что в своей деятельности Союз беломорских карел стремился стать прежде всего проводником финского просвещения в Российской Карелии. Например, в основу изданного в 1907 г. карельского букваря «Маленький начальный учитель для беломорских карел»³ был положен финский язык. Авторы букваря совершенно не ориентировались на местный диалект карельского (в этот период карельской письменности практически еще не существовало)⁴. В Беломорской Карелии должно быть открыто несколько — максимум пять — передвижных школ, в которых должны были обучать финскому языку. Школы должны были быть расположены в Вокнаволоке, Ухте, Кестеньге, Тихтозере и Юшкозере, каждая школа должна была быть рассчитана на 30 учеников минимум. Однако организационные сложности и прежде всего — нехватка учителей не давали всему делу развернуться. Осенью 1906 г. была основана только одна школа — в д. Поньгагуба, в которой обучалось 30 учеников; учителем был местный крестьянин. Еще одна передвижная школа существовала в Тихтозерской волости. Как сообщали российские источники, учителем был крестьянин Петр Терентьевич Фёдоров, находившийся «под влиянием жены-финки»⁵. Кроме того, с начала 1907 г. в двух деревнях Ухтинской волости детей обучал письму, чтению, счету и ручному труду местный карел Василий Павлович Дорофеев (впоследствии — Ваара), закончивший учительские курсы в России.

¹ Сведения о составе Союза взяты мною из: *Ranta R. Vienen karjalaisten liitosta...* S. 42—44.

² См.: *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations.* Cambridge, 1985.

³ *Pieni Alku-opastaja Vienen Karjalaisille. Vienen Karjalaisten Liiton toimittama.* Porvoo, 1907.

⁴ Немногочисленные книги на карельском языке, изданные в России в XIX — начале XX в., использовали кириллицу, хотя латиница больше приспособлена для передачи особенностей карельского языка.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО), ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 69об.

Фигура Василия Дорофеева — один из характерных типов нарождавшейся карельской национально мыслящей интеллигенции. В 1907 г. ему было лишь 17 лет. Происходил Дорофеев из бедной семьи, отец его был коробейником и почти постоянно проживал в Финляндии, откуда периодически наведывался в родное село. Дорофеев владел как русской, так и финской грамотой, ибо он был выпускником сначала Ухтинской церковно-приходской школы, а затем — Островлянской второклассной школы. После окончания школы он некоторое время жил у Павла Афанасьева в Куусамо, в Финляндии. Связь Дорофеева с Афанасьевым подтверждается и их перепиской, и тем, что именно Афанасьев пригласил Дорофеева преподавать в школе. Платили ему из денег Союза 20 рублей в месяц, которые были для него значительным подспорьем¹. Однако как Дорофеев, так и другие учителя-карелы (стипендиаты Союза Дарья Афанасьева в Ухте и Иисакки Пирхонен в деревне Каменное Озеро) проработали недолго, так как уже в 1907 г. русские власти начали закрывать все финские передвижные школы.

В то же время была закрыта и созданная Союзом в Ухте столярно-токарная мастерская, оснащенная хорошими финскими инструментами, приобретенными при посредстве Павла Афанасьева, и руководимая жившим здесь финном Александром (Сантту) Вепсяляйненем. В 1906 г. в мастерской работало до десяти молодых крестьян разных возрастов — от 12 до 20 лет. По данным местных властей, Вепсяляйнен получал ежегодно за руководство школой 365 рублей, а также часть выручки за продукцию. Мастерская служила также и местом для молодежных сборищ². Открывались в Беломорской Карелии и библиотеки и избы-читальни, книги и газеты для которых собирались по всей Финляндии. Вскоре их число достигло двадцати двух, с общим числом годовых комплектов газет и журналов 286. Книги получали в дар от руководителей издательств, являвшихся членами Союза. Библиотека в Ухте состояла из приблизительно тысячи связок книг³. Их постигла та же участь, что и передвижные школы.

Российские власти обнаружили опасность так называемой «панфинской пропаганды» в 1906 г. По их мнению, культурно-просветительная экспансия из Финляндии могла привести к формированию профинского карельского национального движения, к отрыву карел от России. Усилия местных и центральных властей были, таким обра-

¹ ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 69. Кроме того, информация о Дорофееве содержится в протоколе его допроса: ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 4, д. 315, л. 16, 20–21.

² ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 68об.—69.

³ *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta...* S. 72.

зом, направлены на изоляцию карельских районов России от финского воздействия, а также на истребление слабых ростков местного национального движения. Разрабатывались разнонаправленные стратегии — экономические, просветительские, церковные, культурные. Однако наиболее действенными оказались полицейские меры, включавшие в себя пресечение контактов карел с финскими агитаторами и миссионерами, изъятие всех вызывающих малейшее подозрение печатных изданий и расследование путей их попадания в карельские селения, аресты карельских активистов, усиление полицейской охраны и таможенного режима в карельских регионах. В вину карельским национальным деятелям вменялись связи с финскими активистами — в них видели прежде всего проводников финского влияния в Карелии¹.

Приведем несколько примеров репрессий против карельских активистов. В начале сентября 1907 г. были арестованы и препровождены в г. Кемь три ухтинских крестьянина — Василий Иванович Еремеев, Федот Родионович Ремшуев² и упомянутый уже Василий Павлович Дорофеев. Арестованные обвинялись в противоправительственной и антирелигиозной пропаганде среди карел Кемского уезда, а именно — в участии в Союзе беломорских карел и связях с финскими активистами. Ухтинцы выступили в защиту односельчан, причем сообщили, что арестованы они по ложному доносу и стали жертвами мести со стороны волостного писаря Павла Кукшиева и волостного старшины Григория Афанасьева. Несмотря на то что никакой «противоправительственной и антирелигиозной пропаганды» арестованные не вели, двоих из них, Ремшуева и Еремеева, приговорили к административной высылке в Уральскую область. Там Василий Еремеев заболел чахоткой и скончался.

Василий Дорофеев был освобожден из тюрьмы по причине молодого возраста. Однако спустя небольшое время после освобождения губернатором Сосновским он был выслан в Финляндию. Уже перебравшись туда, Дорофеев продолжил свою преподавательскую

¹ Различным стратегиям российских властей по борьбе с карельским национальным движением посвящена монография: *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы...

² Василию Ивановичу Еремееву (Ряйхя) было 23 года, он принадлежал к зажиточному слою, имел свою мелочную лавку, а до этого служил приказчиком в Финляндии. Федот Родионович Ремшуев (Мокруся) был самым старшим из арестованных, ему было 32 года, и он, как и Дорофеев, относился к беднейшему слою ухтинцев. В отличие от своих более молодых товарищей по несчастью, Ремшуев не владел русским языком и слабо владел финской грамотой (см.: Дело по обвинению крестьян с. Ухты Василия Еремеева, Федота Ремшуева, Василия Дорофеева в революционной и антирелигиозной пропаганде среди карел Кемского уезда // ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 4, д. 315, л. 1–122).

деятельность — в частности, начиная с 1908 г. преподавал на курсах народного училища в Куусамо, где учились в том числе и дети из Российской Карелии¹.

Жертвами доносов, прежде всего местных священников, стали и другие карельские активисты. Так, почти одновременно с Еремеевым, Ремшуевым и Дорофеевым был арестован псаломщик Юшкозерского прихода Кемского уезда Мелетий Синцов. Поводом к его аресту послужил донос местного священника Павла Лыскова, сообщавшего полиции о том, что Синцов занимается «противоцерковной, противорелигиозной, противоправительственной и противогосударственной пропагандой» и тайно принадлежит к социал-демократической партии. В ходе следствия выяснилось, что вина Синцова заключалась в том, что он был одним из организаторов подготовки к открытию в селе финского училища. Судьба псаломщика, впрочем, сложилась более благополучно, чем Еремеева и Ремшуева, — 10 февраля 1908 г. он был освобожден из тюрьмы под залог.

Сюжет с арестом Синцова дает редкую возможность обнаружить документальное свидетельство массового крестьянского выступления националистического характера. Юшкозерские крестьяне были сильно раздражены неблагоприятной ролью священника в деле Синцова; они утверждали, что батюшка и до этого активно занимался доносителем². Чуть позже отец Павел жаловался протоиерею Кемского собора: «...еще один родственник Митрофанова, <...> Николай Тарасов, <...> возмущает народ против меня и церковного старосты Адриана Яковлева тем, что будто бы мы раскрыли все это политическое панфинское движение и будто бы по нашему указанию еще арестуют многих в Юшкозере, почему народ и волнуется, а так как сторону Тарасова держит и местный староста Гавкин, то и движение принимает против нас характер общественного с той целью, чтобы нас совсем удалить <...> из Юшкозера»³. Подобные свидетельства массовых настроений единичны; после же 1907 г., когда и преследование «панфиннизма» со стороны государства стало усиливаться и ужесточился политический режим в целом, ни о каких «общественных» движениях в карельских деревнях уже не было речи.

¹ Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta... S. 98.

² Например, в марте 1907 г. Лысков обнаружил в библиотеке для народного чтения при Юшкозерском училище две предосудительные по его мнению книги — «Партии и крестьянство в Государственной Думе» и «Гарантии личной свободы в Англии». По этому поводу местный исправник был вынужден производить дознание, однако оставил книги в библиотеке (ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 2, д. 193, л. 109, 109об.).

³ НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/1, л. 13.

Наконец, еще одной жертвой «бдительности» священника стал ухтинский учитель Петр Лежев¹, на которого в начале 1908 г. написал жалобу местный батюшка Иоанн Чирков. Священник жаловался, что Лежев был вместе с другим местным священником Изюмовым инициатором составления приговора о необходимости проведения церковной службы на финском языке. «Учитель Лежев, — писал Чирков, — как один из руководителей панфинского движения не должен оставаться в селе, необходимо немедленно его уволить от учительской деятельности кроме того как человека, неспособного преподавать в русской церковно-приходской школе»².

Дело Лежева разбиралось, его допрашивали, и созданная вокруг него атмосфера была настолько гнетущей, что он был вынужден уволиться из Ухты и переехать с семьей в Финляндию. Иоанн Чирков достойно завершил свою «комбинацию» и обнаружил поразительную двуличность, дав ему при увольнении сверхположительную характеристику. «Учитель сей школы Петр Александрович Лежев, — писал он, — состоит в сей должности с 10 сентября 1902 года, с аккуратным знанием преподавания школьных предметов и отлично-безукоризненным поведением. Удостоверение выдается <...> для представления при прошении об определении учителем в Финляндии...». Характеристика датирована 24 мая 1908 г.; Лежев отбыл в Финляндию летом того же года³.

В сравнении с другими районами России карельские репрессии, конечно, выглядели незначительными, однако для местного законопослушного населения их было достаточно. Немногочисленные карельские активисты были запуганы. Все это привело к установлению в карельском крае атмосферы страха, взаимной подозрительности и доносительства. С 1908 г. Союз беломорских карел осуществлял свою деятельность только в пределах Финляндии⁴, которая была защищена особым законодательством и таким образом выводилась из-под

¹ Учитель Ухтинской церковно-приходской школы Петр Александрович Лежев, или Пекка Лесоев, был беломорским карелом по рождению и закончил Сортавальскую учительскую семинарию, которая считалась «рассадником» панфинских идей. По сведениям Каарло Мерикоски, Лежев был весьма активен, читал в Ухте лекции, сопровождаемые диапозитивами, проводил беседы и насаждал в среде односельчан финско-национальные идеи (см.: *Merikoski K. Taistelua Karjalasta. Piirteitä venäjäistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina.* Helsinki, 1939. S. 1–43). О личности и деятельности Лежева в Ухте см. также: *Илюха О. П. Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX в.* Петрозаводск, 2002. С. 31–32.

² НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/4, л. 1.

³ НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/9, л. 2–2об.

⁴ *Ranta R. Vienen karjalaisten liitosta...* S. 100.

юрисдикции российских полицейских органов. Олонецкий губернатор М. И. Zubовский, вступивший в должность в 1913 г., свидетельствовал в своем отчете, что с 1909 г. «панфинская» агитация «совершенно прекратилась». «В настоящее время, — сообщал губернатор, — здесь никакого карельского вопроса, можно сказать, не существует». По его мнению, в крае быстрыми темпами шла русификация, под влиянием русской школы и всеобщей воинской повинности карельский язык постепенно вытеснялся русским, и «полное слияние олонекских карел с господствующей народностью» было только вопросом времени¹.

Однако изгнание «панфинской» пропаганды из Российской Карелии не только не означало решения проблемы, но даже и не приближало его. Болезнь не лечилась, а загонялась вглубь, ибо не были решены те коренные проблемы края, которые определяли тягу карел к Финляндии и о которых мы говорили ранее. В приграничных регионах, экономически, социально и культурно ориентированных на Финляндию, сохранялась почва для карельского национализма профинского направления. Если активисты из Финляндии потеряли возможность вести свою деятельность на территории Российской Карелии, то у карел оставалась возможность бывать в Финляндии. В ноябре 1907 г. в Хельсинки на тайно проводившемся на квартире активиста Союза беломорских карел доктора О. Хайнари собрании была разработана новая программа деятельности. Было решено в приграничной зоне организовывать школы и курсы, рассчитанные как на местных, так и на российских карел. Усилиями Союза беломорских карел и университетского Северно-Эстерботнического землячества² зимой 1908 г. в Куусамо открылись курсы народного училища. Они были рассчитаны на 75 слушателей, из которых 37 прибыли из Беломорской Карелии (из Ухты, Кестеньги и Тихтозера /Pistojärvi/). Обучение и поездку российским карелам оплачивал Союз³.

Программа курсов представляла собою смесь гуманитарных и практических дисциплин — изучалась история финских народов, финская история, фольклор и литература, обществоведение, а также народное хозяйство, география, природоведение, сельское хозяйство

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, л. 120/40, л. 32–34.

² Северо-Эстерботническое землячество (Pohjois-Pohjalainen osakunta) было одним из студенческих землячеств Хельсинкского университета, которые принимали участие в «панфинской» деятельности (к Северной Эстерботнии в тот период причислялись волости Каянского региона (Kainuu), пограничные с северной частью Российской Карелии).

³ Ranta R. Vienen karjalaisten liitosta... S. 97–98.

и медицина. Получив хорошие отзывы о первом годе обучения, организаторы курсов решили сделать их ежегодными, и они действовали вплоть до начала войны¹. Наряду с курсами в Куусамо с 1906 г. функционировал народный университет в Импилахти, куда тоже приезжала для обучения карельская молодежь из России. Свидетельства об этом встречаются в отдельных публикациях. Например, «Финляндская газета» за 1913 г. писала: «28 октября проехали через г. Сердоболь две девушки из Архангельской Карелии, направлявшиеся в Импилахти для поступления в финский народный университет. Деньги на это дальнее и утомительное путешествие были собраны их родственниками и друзьями»². Отправлялись карельские дети учиться и в приграничные финские школы.

Итак, «финский фактор» в карельской национальной жизни продолжал подспудно существовать. И не случайно, как только в 1917 г. политические условия в стране изменились и имперский прессинг был снят, сразу же стали очевидны потаённые до поры до времени национальные устремления. Практика, оказавшаяся и здесь критерием истины, показывает, что, несмотря на победные реляции имперских деятелей предреволюционного периода, притягательность финляндского проекта в нескольких карельских регионах была очень велика. В Беломорской Карелии организационно оформилось карельское национальное движение, наиболее ярко проявившееся в требовании самоопределения Российской Карелии и создания так называемого Временного управления Беломорской Карелией.

Однако основная часть карел не торопилась становиться частью «Великой Финляндии». Если сильно финнизированные Ребольская и Поросозерская волости приняли решение о присоединении к Финляндии, то Беломорская Карелия, приняв решение о независимости своего региона от России, воздержалась решать вопрос о присоединении к Финляндии до проведения референдума. Сформировавшееся в Беломорской Карелии под явственным финским влиянием карельское национальное движение проявило независимость. В июле 1919 г. в Ухте был образован Временный комитет Беломорской Карелии, лидеры которого высказались за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги. Комитет подготовил Ухтинский съезд делегатов беломорских карел (21.3–1.4.1920 г.), которым было принято решение об отделении от России девяти

¹ Ranta R. Vienen karjalaisten liitosta... S. 95, 99.

² Ловатинский. Отзвуки панфинской пропаганды в Архангельской Карелии // Финляндская газета. 1913. № 248. С. 1.

волостей Беломорской Карелии¹. Причем ухтинские делегаты не приняли решения о присоединении к Финляндии, напротив, вопрос о присоединении к той или иной державе был ими отложен на будущее. В качестве важного условия присоединения куда бы то ни было выдвинуто автономное положение Карелии².

И, наконец, в Олонецкой Карелии хотя и было образовано Временное олонецкое правительство, большая часть олонецких карел была настроена против присоединения к Финляндии. Всё же около тысячи олончан вступило в финские войска³.

Как видим, финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии было чрезвычайно значительным. Движимые своими национально-романтическими идеалами и представлениями, финские активисты помогли сформироваться первому национальному карельскому союзу, активно участвовали в его деятельности, воспитывали молодых карельских национальных деятелей. Однако оформившийся карельский национализм, связанный еще тысячей нитей с породившей его Финляндией, начал все активнее проявлять независимость. События в послереволюционной Карелии показали, что российские карелы, освободившиеся от имперского прессинга и получившие свободу выбирать свою судьбу, были готовы выстраивать независимые национальные стратегии. Висевшую в воздухе идею карельской автономии подхватили большевики, под эгидой которых 7 июня 1920 г. была создана Карельская Трудовая Коммуна (КТК).

¹ Отделиться от России должны были Ухтинская, Вокнаволоцкая, Кондокская, Тихтозерская, Юшкозерская, Кимасозерская, Кестеньгская, Вычетайбольская и Олангская волости.

² Дубровская Е. Ухтинские события 1920 г. // Rajamailla II / Toim. Julku Kõysti. Rovaniemi, 1996. S. 11–29.

³ См.: Vahtola J. Nuorukaisten sota: Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997.